

УДК 323/324(510)

ББК 66.3(5Кит)

С30

Ответственные редакторы:
А.В. Виноградов, П.В. Троицкий

Оргкомитет конференции:
д.полит.н. *А.В. Виноградов*, к.ю.н. *П.В. Троицкий* (председатель),
Н.Ю. Демидо, Н.В. Пржежецкая

С30 70 лет современному китайскому государству. Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН (Москва, 20 и 22 марта 2019 года). — М. : ИДВ РАН, 2019. — 448 с.

ISBN 978-5-8381-0356-7

В сборнике опубликованы статьи, подготовленные на основании докладов, представленных на ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока Российской академии наук, состоявшейся в марте 2019 г. и посвященной 70-летней годовщине образования КНР. В статьях содержится анализ актуальных вопросов внутренней и внешней политики, политической системы и права КНР, а также некоторых аспектов социально-экономического развития. Особое внимание уделено истории формирования органов государственной власти и начальному этапу государственного строительства Китайской Народной Республики, эволюции политической системы и права с 1949 по 2019 г., характерным чертам общественного строя Китая в новую эпоху.

Ключевые слова: КНР, КПК, внутренняя политика, политическая система, право Китая, внешняя политика, экономическое развитие, Си Цзиньпин, реформы.

Выраженные в статьях взгляды не обязательно отражают точку зрения редакторов.

УДК 323/324(510)

ББК 66.3(5Кит)

ISBN 978-5-8381-0356-7

© Коллектив авторов, 2019

© ИДВ РАН, 2019

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Federal State-Funded Institution of Science
Institute of Far Eastern Studies

70 YEARS OF MODERN CHINESE STATE

The Proceedings of the Annual Conference
of the Center for Political Studies and Forecasting IFES RAS

Moscow, 20th and 22th March 2019

Moscow
Institute of Far Eastern Studies
2019

70 years of Modern Chinese State. Moscow, RAS IFES Press, 2019.

This volume contains articles prepared on the basis of reports presented at the Annual scientific conference at the Center for Political Studies and Forecasting of the Institute of the Far Eastern Studies, Russian, Academy of Sciences, held in March 2019 and dedicated to the 70th anniversary of the PRC. The articles contain an analysis of topical issues of domestic and foreign policy, the political system and law of the PRC, as well as certain aspects of socioeconomic development. Particular attention is paid to the history of the formation of state bodies and the initial stage of the state building of the People's Republic of China, the evolution of its political system and law from 1949 to 2019, and distinctive features of Chinese social system in the new era.

Содержание

Раздел I. ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

<i>Виноградов А.В.</i> Соревнование общественных систем: международное значение китайского авторитаризма	11
<i>Пивоварова Э.П.</i> 70 лет КНР: от программы «новой демократии» к созданию «нового интегрального общества»	19
<i>Борох О.Н.</i> Изучение в современном Китае российской экономической мысли	29
<i>Галенович Ю.М.</i> Трактовка в КНР 40-летия после Мао	39
<i>Карнеев А.Н.</i> Некоторые тенденции в идейно-политической сфере в КНР в эпоху Си Цзиньпина	51
<i>Афонина Л.А.</i> Развитие политики «китаизации религии»	63
<i>Михалев М.С.</i> Таджики Синьцзяна: мягкие, жесткие и неординарные меры интеграции	79
<i>Грачева Ю.А.</i> Национальная самоидентификация малочисленных народов Юго-Западного Китая (на основе полевых исследований)	88
<i>Пожилков И.Е.</i> Партия, армия и власть: о некоторых аспектах советского строительства КПК	103
<i>Ионов А.Ю.</i> Маяк патриотической идеологии в КНР 1950—1970-х годов	114
<i>Бородич В.Ф.</i> Система государственного управления КНР в годы испытаний: от «культурной революции» до административной реформы 1982 г.	123
<i>Жилкибаев С.Н.</i> «Red alert»: «Политика урегулирования, упорядочивания и оздоровления» в КНР (1989—1991 гг.)	132

<i>Сущенко М.А.</i> Особенности функционирования политической элиты КНР	143
<i>Семенов А.А.</i> Консультации, контроль и обратная связь: роль НПКСК в политической системе Китая	151
<i>Новоселова Л.В.</i> Решение жилищной проблемы в КНР	161
<i>Баженова Е.С.</i> Стратегия в области урбанизации в КНР и развитие зоны Пекин—Тяньцзинь—Хэбэй	171
<i>Сазонов С.Л., Чэнь Сяо</i> Развитие экологичного городского автомобильного транспорта Китая	179
<i>Пиковер А.В.</i> Тенденции развития электронной коммерции в КНР	191

Раздел II. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

<i>Портяков В.Я.</i> Время собирать камни: об обобщающих англоязычных трудах по внешней политике Китая	201
<i>Румянцев Е.Н.</i> О концепции «Пояса и пути»	209
<i>Виноградов А.О.</i> К вопросу об отражении взглядов китайских националистов в сегодняшних внешнеполитических построениях КНР	220
<i>Се Ипин.</i> Интересы КНР в вопросе реформирования ООН с 1990-х годов по настоящее время	229
<i>Гурулева Т.Л.</i> Ассоциация как новая форма сотрудничества России и Китая в области образования и науки	243
<i>Петрунина Ж.В., Шушарина Г.А.</i> Политика современного Китая на Дальнем Востоке России	255
<i>Морозова В.С., Дубровская К.С.</i> Приграничный вектор социокультурной безопасности Северо-Востока Китая: исторический генезис и современные реалии	264
<i>Тянь Е.</i> Экономические отношения КНР с Республикой Казахстан	274
<i>Дьяконова М.А., Тимофеев О.А., Шарипов Ф. Ф.</i> Геополитические интересы Китая в Центральной Азии и Афганистане	284
<i>Сазонов С. Л., Чэнь Сяо.</i> Автомобильный транспорт КНР участвует в реализации Инициативы «Пояс и путь»	293

<i>Балакин В.И.</i> Современное китайское государство как фактор геополитической стабильности на континенте Евразия	306
<i>Меркулов К.К.</i> О новой идеологии общественного развития и межкультурного сосуществования на примере России и Китая ..	316

Раздел III. ПРАВО

<i>Троцкий П.В.</i> Высшие органы государственной власти и управления в начальный период существования КНР (1949—1954 гг.) (историко-правовой аспект)	323
<i>Севальнев В.В., Черепанова Е.В.</i> Правовые аспекты развития российско-китайских дипломатических отношений	336
<i>Алексеев А.П.</i> Правовые аспекты ограничений в отношении ICO и криптовалюты в Китае	345
<i>Захарова В.К.</i> О некоторых проблемных вопросах соблюдения баланса между процессуальным контролем и прокурорским надзором в КНР	353
<i>Лымарь М.П.</i> Переход на международные стандарты нормативного регулирования учетной деятельности: опыт Китая	364
<i>Ефимов А.Ю.</i> Природоохранное законодательство и особенности правоприменительной практики в КНР после XVIII съезда КПК	373
<i>Родионов А.Н.</i> ГЧП в экономике КНР: основные особенности законодательства и политики городской урбанизации	389
<i>Трофимов А.А.</i> О некоторых принципах бюджетного права Китая в свете реализации концепции «Управление на основе закона»	400
Summary	409
Список авторов	443

Content

Section I. POLITICAL DEVELOPMENT

<i>Vinogradov A.V.</i> Competition of social systems: the international importance of Chinese authoritarianism	11
<i>Pivovarova E. P.</i> 70 years of China: from the program of “new democracy” to the creation of a “new integrated society”	19
<i>Borokh O.N.</i> The study of Russian economic thought in modern China	29
<i>Galenovich Y.M.</i> The interpretation of forty years after Mao in the PRC	39
<i>Karneev A.N.</i> Changing trends in developing of China’s ideological sphere in the era of Xi Jinping	51
<i>Afonina L.A.</i> The development of the “sinification of religions” policy	63
<i>Mikhalev M.S.</i> Tajik people of Xinjiang: soft, hard and extraordinary methods of integration	79
<i>Gracheva Yu.A.</i> Ethnic self-identity of national minorities of China's Southwest (based on field research)	88
<i>Pozhilov I.E.</i> Party, army and power: about some aspects of the CPC’s Soviet construction	103
<i>Ionov A.Y.</i> The lighthouse of patriotic ideology in China (1950s—1970s)	114
<i>Borodich V.F.</i> The government management system of the PRC in the years of ordeal: from “cultural revolution” to administrative reform 1982	123
<i>Zhil kibayev S.N.</i> «Red alert»: «Settlement policy, ordering and recovery» in PRC (1989—1991)	132

<i>Sushchenko M.A.</i> OON Features of the political elite of China	143
<i>Semenov A.A.</i> Consultation, supervision, and feedback: the role of the CPPCC in China’s political system	151
<i>Novoselova L.V.</i> Housing construction in the PRC: needs and reality	161
<i>Bazhenova E.S.</i> Urbanization strategy in China and development of the region Beijing-Tianjin-Hebei	171
<i>Sazonov S.L., Chen Xiao</i> Development of eco-friendly urban road transport in China	179
<i>Pikover A.V.</i> e-Commerce development in PR China	191

Section II. FOREIGN POLICY

<i>Portyakov V. Ya.</i> A time to gather stones: an analysis of English-language comprehensive works on China’s foreign policy	201
<i>Rumyantsev E.N.</i> On China’s “One belt, One road” concept	209
<i>Vinogradov A.O.</i> Reflections on the views of the Chinese nationalists in today’s foreign policy discourse in China	220
<i>Xie Yiping</i> China’s interests in reforming the UN from the 1990s to the present	229
<i>Guruleva T.L.</i> Association as a new form of cooperation of Russia and China in the field of education and science	243
<i>Petrunina Zh.V., Shusharina G.A.</i> Policy of modern China in the Far East of Russia	255
<i>Morozova V.S., Dubrovskaya K.S.</i> Border vector of north-east China sociocultural security: historic genesis and modern realities	264
<i>Tian Ye.</i> Economic relations of the PRC with the republic of Kazakhstan	274
<i>Dyakonova M.A., Timofeev O.A., Sharipov F.F.</i> Geopolitical interests of China in Central Asia and Afghanistan	294
<i>Sazonov S.L., Chen Xiao</i> China’s road transport is involved in implementation of the “Belt and Road” initiative	283

<i>Balakin V.I.</i> Modern Chinese state as a factor geopolitical stability in Eurasia	306
<i>Merkulov K.K.</i> On the genesis of a new ideology of social development and intercivilizational coexistence on the example of Russia and China	316

Section III. LAW

<i>Troshchinskiy P. V.</i> Supreme public control and administration authorities during initial period of PRC's existence (1949—1954) (historical legal aspect)	323
<i>Sevalnev V.V., Cherepanova E.V.</i> Legal aspects of development of Russian-Chinese diplomatic relations	336
<i>Alekseenko A.P.</i> Legal aspects of Chinese ban on ICO and cryptocurrency	345
<i>Zakharova V.K.</i> On some problematic issues of the balance between procedural control and prosecution supervision in the People's Republic of China	353
<i>Lymar M.P.</i> The transition to international standards of normative regulation of accounting: Chinese experience	364
<i>Efimov A.Yu.</i> Environmental legislation and practice of relevant law enforcement in China after XVIII congress of CPC	373
<i>Rodionov A.N.</i> PPP model in the economy of China: the main features of the law and policy of city urbanization	389
<i>Trofimov A.A.</i> On some Chinese budget law principles in the light of the “Governance in the basis of the law” concept	400
Summary	409
List of Authors	443

Раздел I

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

А.В. Виноградов,
ИДВ РАН, РУДН, д.полит.н.

СОРЕВНОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ СИСТЕМ: МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ КИТАЙСКОГО АВТОРИТАРИЗМА *

Аннотация. Проведение рыночных преобразований не привело к демократизации китайской политической системы. Очевидное, по мнению большинства наблюдателей, несоответствие экономического и политического устройства делало китайскую политическую систему уникальной, подтверждая глубокие отличия Китая от других стран. Последовавшее превращение КНР в ведущую экономику мира, успешное решение ею главных для большинства развивающихся государств проблем — обеспечения высоких темпов роста, стабильного и устойчивого социального развития, национальной безопасности, с одной стороны, и не преодоленные последствия экономического кризиса на Западе, кризис демократической системы и ухудшение условий мировой торговли, с другой, а также значительные изменения в общественной жизни, вызванные появлением новых средств массовой коммуникации, компьютеризацией и т. д., придают китайскому опыту новое, существенно более важное значение. Для многих развивающихся стран, не нашедших успешной модели развития и по-прежнему значительно отстающих от стран Запада, появление китайского опыта

* Подготовлено при финансовой поддержке РФФИ в рамках совместного проекта РФФИ-КАОН № 17-27-21002 «Российская и китайская помощь странам Азии и Африки: сравнительный анализ и перспективы координации».

представляет не только теоретический, но и практический интерес. В отличие от западных стран, являвшихся привлекательным, но недостижимым идеалом, Китай может превратиться для них в практический ориентир развития. Особую привлекательность приобретает его политическая система, которая не только сохранила черты традиционной национальной идентичности, но и обладает функциями стратегического планирования и общенациональной мобилизации, необходимыми для ускоренного социально-экономического развития. Проект «Одного пояса, одного пути» пролегает по целому ряду стран, для которых китайский опыт может быть практически полезен и рассматриваться в качестве примера для подражания.

Ключевые слова: китайский авторитаризм, политическая система, опыт КНР, соревнование общественных систем, развивающиеся страны, XIX съезд КПК, «Один пояс, один путь», Центральная Азия и Африка.

Автор: Виноградов Андрей Владимирович, доктор политических наук, руководитель Центра политических исследований и прогнозов ИВД РАН, профессор кафедры теории и истории международных отношений РУДН. E-mail: vinogradov-a.v@mail.ru.

Понятие «соревнование общественных систем» возникло в результате утверждения социалистического строя в Советской России и отражало марксистские представления о закономерностях общественного развития. Еще до Второй мировой войны, но, особенно, после ее окончания и образования социалистического лагеря это соревнование приобрело завершённые формы и отражало не только геополитические и экономические интересы двух систем, но и их идеологическое противостояние. Бросив вызов капитализму, социализм способствовал его консолидации, усилил ощущение общей идентичности и интересов западного мира. Идеологическая борьба, возникшая как форма классовой борьбы в странах капитализма, обрела геополитическое значение с выходом классовых идентичностей на международную арену. С этого момента она стала обязательным элементом международных отношений и внешней политики всех государств, не только социалистических, но и капиталистических, вне зависимости от объекта противостояния. Всеобъемлющий характер соперничества был зафиксирован понятием «холодная война».

Однако окончательную победу одержала другая тенденция. Интернационализация хозяйственной жизни, способствовавшая укреплению универалистских представлений об истории, в конце XX в. развилась до стадии глобализации, отличительной чертой которой стала не просто тесная экономическая взаимосвязь, но и повсеместное распространение материальной культуры наиболее развитых в экономическом отношении государств, определявших в силу этого условия взаимодействия. Следствием этого стало широкое распространение рыночной экономики, западной массовой культуры и типа потребления,

свойственных индустриальному обществу. Изменения в социально-экономической модели создали благоприятные предпосылки для распространения демократической политической системы и ее принципов.

Вместе с тем универсальный характер глобализации представлял серьезную угрозу национальной идентичности, трансформируя ее в направлении общей модели. Постоянное изменение национальных идентичностей в процессе естественного развития не вызывает ощущения опасности, которое возникает всегда, когда влияние оказывается извне. Глобализация расширила сферу взаимодействия и взаимного влияния так, что стала стирать внешние границы, эффект давления внешнего мира сменился эффектом добровольного заимствования. Существенной чертой этого процесса стало представление об универсальной ценности западной политической модели, которая наряду с гуманистическими ценностями (права человека, демократизация и т. д.) стала оказывать серьезное влияние на внутривнутриполитический дискурс. Эта сторона глобализации сознательно культивировалась западными странами для использования в качестве мощного геополитического орудия и утверждения своего доминирования. В желании активно распространять свои ценности легко можно увидеть влияние «холодной войны» и биполярного противостояния. Выработанная диктатурой пролетариата эта стратегия затем не менее активно стала использоваться противоположной стороной — западными демократиями в отношениях со всем западным, в том числе развивающимся миром.

Трансформация под воздействием глобализации представляла угрозу не просто национальной идентичности, гораздо серьезнее было то, что она представляла угрозу национально-государственной идентичности и требовала спсобов реагирования, прежде всего, со стороны государства.

Для Китая, в котором государство на протяжении тысячелетий занимало центральное место в национальной идентичности, его сохранение и было первоочередной задачей. В значительной степени поэтому китайские политики в 1920-е годы обратились к опыту Советской России, предложившей эффективную государство-центричную альтернативу западной политической модели. Характерной чертой советской политической системы было сохранение основных принципов традиционного государства, основанного на власти авторитета, а не на конкуренции политических сил. Продемонстрировав внутренний потенциал для развития авторитаризма, она не требовала смены принципов государственного строительства и воплощала желание Китая сохранить свою идентичность.

Начало реформ в конце 1970-х по своим намерениям, решениям и структуре, в сущности, напоминало концепцию «самоусиления» и политику «усвоения заморских дел» середины XIX в. КПК провозгласила открытость, чтобы заимствовать достижения внешнего мира для своего самосохранения и самоусиления

государства. (Показательно, что критерием усиления была провозглашена совокупная государственная мощь, а не сугубо экономические — объем ВВП, национальный доход и т. д.). Признав в результате сравнения с внешним миром свои недостатки, Китай по-прежнему был не готов отказываться от своей идентичности, считая ее как и 100 лет назад своим главным, стратегическим преимуществом.

Глобализация, ставшая доминирующей тенденцией мирового развития после окончания «холодной войны» и распада СССР, усилила давление на Китай. На фоне падения коммунистических режимов в Европе и «демократизации» в СССР, подавление событий на Тяньаньмэнь (1989 г.) закрепляло за Китаем роль главного идеологического оппонента и потенциального препятствия глобализации. Однако невысокий экономический потенциал, скромная роль в мире и ограниченное международное влияние в условиях принявших после 1992 г. отчетливо рыночный характер реформ внушали надежду, что под воздействием рыночных преобразований и вовлечения в мировую торговлю Китай неизбежно начнет движение в сторону демократизации. Эти представления воплотились в курсе администрации президента Б.Клинтон на вовлечение Китая в широкое международное сотрудничество, которое, как считалось, запустит процессы внутренней трансформации и со временем позволит избежать конфронтации на международной арене. В Китае этот процесс получил название «внутреннее перерождение» и стал объектом идейно-политической борьбы.

Не взирая на ожидания, КПК сумела сохранить центральное место в общественно-политической жизни и нашла способ сочетать действующую политическую систему с рыночным характером экономики. В итоге обретение КНР нового экономического статуса в первое десятилетие XXI в. оказалось связано не с либерализацией внутривнутриполитической жизни, а с усилением государства, дальнейшим развитием авторитарной системы и повышением ее эффективности. Так, на рубеже 2010-х годов была выполнена задача, поставленная 150 лет назад — за счет открытости («усвоения заморских дел») была проведена модернизация (государство стало эффективным), заметно усилились позиции Китая на международной арене и в мире (увеличение совокупной мощи). Задача, поставленная в начале реформ, была выполнена, реформы сохранили национально-государственную идентичность и усилили государство. Перед Си Цзиньпином открылась возможность провозгласить новую стратегическую цель.

Все эти масштабные процессы в Китае совпали с глобальной перестройкой, бросившей вызов современному общественному устройству и системе международных отношений.

Ощущение, что человечество вступает в новую историческую эру, усиливается по мере того, как политическое, экономическое и технологическое развитие приносит неожиданные и все чаще деструктивные для существующих обществ

венных систем последствия. Глобальный масштаб и глубина изменений усиливают впечатление того, что вся мировая цивилизация находится на переломе, балансирует на грани деградации и распада. Это тот редкий в истории случай, когда сочетается, на первый взгляд, несочетаемое — беспрецедентный материально-технический прогресс и разложение основ социального бытия и общественно-политических институтов¹. Этот конфликт воспринимается как угроза нового варварства, возникающего в результате неспособности человечества бороться с нарастающими изменениями. Опасность разрушения социального порядка уравнивает другой, исторически конструктивный опыт, локализованный в современном Китае. И это побочный и неожиданный результат китайских реформ, демонстрирующих в отличие от большинства других регионов мира непрекращающееся поступательное движение на протяжении четырех десятилетий.

Впервые с Нового времени научно-технический прогресс воспринимается не только и не столько инструментом социального развития. В появлении робототехники, биотехнологий, компьютеризации, новых средств массовой коммуникации виден мощный инструмент разрушения привычных принципов человеческого общения и существующего социального порядка, прежде всего, отношений общества и государства. Сегодня роль последнего как единого политического центра, воплощающего главные принципы социальной организации, нуждается в новом осмыслении. В этом смысле социально-политические процессы в китайском обществе не являются локальными, собственно китайскими как большую часть истории, результатом чего стало формирование уникальной китайской цивилизации. Сейчас они воплощают не частный опыт отдельной страны, а глобальный поиск перехода на другой уровень цивилизации. В глобальном мире закономерности развития отдельных, «передовых» стран уже не формируются локально, а затем распространяются на другие, они рождаются в общем, планетарном пространстве и сразу же становятся общим достоянием человечества.

Появление в Китае эффективной модели общественного развития может поставить вопрос о смене лидера и, что важнее, о критериях лидерства. Главное историческое достижение Китая последних четырех десятилетий в том, что он показал возможность осуществить успешный переход от традиционного общества к современному разными путями. Успешно преодолев бедность и создав эффективную экономическую и политическую модель, Китай по своим совокупным характеристикам претендует на формирование нового общественного строя, не являющегося ни прямым продолжением, ни конвергенцией капитализма и социализма².

Важным критерием формирования нового, особого общественного строя в КНР является устойчивое воспроизводство структуры и органических связей ме-

жду его элементами. Точно так же, как главной отличительной чертой капитализма была эффективная экономическая модель независимых товаропроизводителей, в китайской общественной модели системообразующую роль играет социально-политическая организация, в основе которой лежат не соперничество и конкуренция равных по факту рождения индивидов, как в христианской Европе, не конфликты и противоречия, возникающие между ними, а согласованные усилия и сотрудничество, иерархическая организация, задающая порядок и регулирующая возникающие между членами общества противоречия. Основными категориями этой общественной формации являются власть, государство, партия, деление власти на верховную, исполнительную и контрольную и некоторые другие.

Признание этой отличительной черты общественного строя Китая задает для сравнения и сопоставления новую плоскость. Появление разных общественно-политических моделей неизбежно сопровождается их соревнованием таким же естественным, как конкуренция между экономическими моделями. Масштабы опыта и распространение в мире позволяют судить о преимуществах общественного строя, его силе и историческом потенциале. Международное признание и распространение становится, таким образом, одним из важнейших эмпирических критериев эффективности государства.

Современная китайская модель актуальна сегодня для большого числа развивающихся стран, которые готовы решать свои проблемы по уже имеющемуся образцу. Заявив на XIX съезде о желании поделиться своей мудростью³, КПК уже не в первый раз в своей истории признала существование в Китае международно значимой модели. В сущности, эту же внешнеполитическую стратегию использовал Советский Союз, а потом и Запад, поддерживавшие близкие политические режимы. Развивающийся мир, который теперь расширился за счет постсоветского пространства, таким образом, вновь становится ареной соревнования двух систем.

Есть два региона мира, для которых китайский опыт особенно привлекателен и может быть практически полезным. Это не опыт экономического, уникального как в силу размеров самого Китая, так и в силу исторических обстоятельств — начала экономической глобализации и перехода к новому технологическому укладу, вытеснявшему старый из передовых стран мира на периферию, а опыт политического развития, более важный для сохранения идентичности, чем экономическое развитие. В условиях нарастания протекционизма, свертывания свободы торговли и рыночных механизмов на международной арене важнейшим инструментом решения задач экономического развития становится государство, способное на долгосрочное стратегическое планирование, и соответствующая ему высокоинституциональная политическая система.

Во-первых, это страны близкие Китаю по историческому развитию в XX в., в первую очередь, постсоветские страны. Их объединяли общий социально-

экономический строй, монополия на власть коммунистической партии, отсутствие демократических традиций и необходимость проведения ускоренной модернизации. Не меньшую роль играют и их весьма скромные после распада СССР успехи как в становлении рыночной экономики, так и в демократизации общественно-политической жизни⁴. Китай продемонстрировал возможность успешного развития по отличному от избранного ими на рубеже 1990-х годов пути, но в то же время близкого их национальным особенностям, политической идентичности и недавнему прошлому. По прошествии трех десятков лет повышение эффективности постсоветских государств вполне может быть связано с началом новых реформ, но не через возвращение в прошлое, к СССР, перечеркивающее опыт их независимости, а к обновленному варианту, с заимствованием элементов китайской модели.

Вторую группу составляют страны Африки, большинство из которых после получения независимости так и не смогли найти эффективную стратегию развития. Во всех этих странах сильно влияние традиционной идентичности, иерархичности и клановости, подчинения коллективом индивида. Помощь СССР, готовившего для стран некапиталистического развития управленческие кадры, тесно сотрудничавшего с национально-освободительными движениями и правящим левыми партиями, а также давние связи с этими государствами Китая, который с начала 1960-х годов оказывал им не только материальную помощь, но и выстраивал особый тип отношений, претендуя на лидерство в развивающемся мире, заложили для этого хорошую основу.

Оба региона входят в китайский проект «Пояса и пути» и неизбежно будут находиться в фокусе внимания китайского руководства. О том, что китайская внешнеполитическая активность переходит в новый этап развития, свидетельствует расширение форматов международного сотрудничества и взаимодействия⁵. Проведение в Китае международных политических форумов свидетельствует, что Китай готов налаживать взаимодействие не только на межгосударственном, но и на политическом уровне.

Библиографический список

1. *Виноградов А.В., Рябов А.В.* Политические системы постсоветских стран и Китая в процессе межсистемной трансформации // Полис. 2019. № 3.
2. *Мокрецкий А.Ч.* Китайская дипломатия в эпоху Си Цзиньпина // Международная жизнь. 2019. № 3.
3. *Тоффлер Э.* Третья волна. М.: АСТ, 2004.
4. *Vinogradov A.V., Salitskii A.I.* Can We Talk about the Formation of a New Social System in China? // Herald of Russian Academy of Sciences. 2019. Vol. 89. № 1.
5. 中国共产党第十九次全国代表大会文件汇编 (Сборник документов XIX Всекитайского съезда КПК.) Бэйцзин, 2017.

References

1. *Vinogradov A.V., Ryabov A.V.* Politicheskie sistemy postsovetских stran i Kitaya v protsesse mezhсистемной transformatsii. [Political Systems of Post-Soviet States and China in the Process of Inter-System Transformation] // *Polis*. 2019. № 3.
2. *Mokretskii A.Ch.* Kitaiskaya diplomatiya v epokhu Xi Jinpinga. [Chinese Diplomacy at the Xi Jinping Era] // *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 2019. № 3. S. 35.
3. *Toffler E.* Tretiya volna. [The Third Wave]. M.: AST, 2004.
4. *Vinogradov A.V., Salitskii A.I.* Can We Talk about the Formation of a New Social System in China? // *Herald of Russian Academy of Sciences*. 2019. Vol. 89. № 1.
5. 中国共产党第十九次全国代表大会文件汇编. (The collection of Documents of the 19th Congress of CCP.) Beijing, 2017.

Примечания

- ¹ *Тоффлер Э.* Третья волна. М.: АСТ, 2004. С. 26, 230.
- ² *Vinogradov A., A. A.I.Salitskii.* Can We Talk about the Formation of a New Social System in China? // *Herald of Russian Academy of Sciences*. 2019, vol. 89, N1. P.78—83.
- ³ 中国共产党第十九次全国代表大会文件汇编. (Сборник документов XIX Всекитайского съезда КПК.) Бэйцзин, 2017, С.9.
- ⁴ *Виноградов А.В., Рябов А.В.* Политические системы постсоветских стран и Китая в процессе межсистемной трансформации // *Полис*. 2019. № 3. С. 69—86.
- ⁵ *Мокрецкий А. Ч.* Китайская дипломатия в эпоху Си Цзиньпина. // *Международная жизнь*. 2019. № 3. С. 35.

Э.П. Пивоварова,
ИДВ РАН, д.э.н.

70 ЛЕТ КНР: ОТ ПРОГРАММЫ «НОВОЙ ДЕМОКРАТИИ» К СОЗДАНИЮ «НОВОГО ИНТЕГРАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА»

*Посвящается светлой памяти
Цаголова Георгия Николаевича*

Аннотация. В «Общей программе» Народного политического консультативного совета Китая, принятой в сентябре 1949 г., отмечалось, что «основным принципом экономического строительства Китайской Народной Республики является развитие производства и создание процветающей экономики на основе политики учета как общественных, так и личных интересов, выгод как труда, так и капитала, взаимопомощи между городом и деревней и развития товарооборота как между различными районами внутри страны, так и с внешним миром». Эти положения программы «новой демократии» Мао Цзэдуна в основном совпадают с принципами начатой в КНР в 1978 г. политикой реформы и открытости, осуществляемой путем использования положительных наработок как плановой, так и рыночной экономик, способствовавших социально-экономическому прогрессу в стране и сформировавших «новое интегральное общество», названное «социализмом с китайской спецификой».

В среде российских ученых с каждым годом становится все больше тех, кто исследует опыт стран, где уже сформировалась или только формируется конвергентная социально-экономическая модель, предполагающая разумное сочетание рыночных и планово-регулирующих начал. Социально-экономические успехи КНР вызвали интерес ученых-обществоведов всего мира. Задаваясь вопросом, «почему Китай лучше

других переносит кризис?»), профессор Г.Н.Цаголов в своей книге «Кризис и модернизация» отвечает, что прежде всего потому, что Китай не разрушил плановые начала и плавно перешел от социализма к смешанной, или конвергентной, экономике. Успехи в социально-экономическом развитии этих стран Г.Н.Цаголов совершенно справедливо оценивает как результат использования в деятельности руководителей этих государств достижений и капитализма, и социализма, заключая, что сегодня в мире звучит «конвергенционный набат» и важно, чтобы этот набат был услышан там, где продолжается поиск «оптимальной модели» социально-экономического развития.

Ключевые слова: Китай, экономические реформы, политика реформ и открытости, социализм с китайской спецификой, экономическое развитие, инвестиции, процветание, «новая демократия».

Автор: Пивоварова Элеонора Петровна, доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН, главный научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: vafek@mail.ru

После образования в 1949 г. Китайская Народная Республика прошла неоднозначный, насыщенный идеологической борьбой и теоретическими инновациями путь социально-экономического развития.

В докладе на XIX съезде КПК в октябре 2017 г. генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин к творческим достижениям последних лет в КНР отнёс то, что «в сфере идеологии яснее и четче определено руководящее положение марксизма». Заявив, что КПК должна проявлять новаторство как в теории, так и на практике, чтобы адаптировать принципы марксизма к современным реалиям Китая, Си Цзиньпин подчеркнул сохранение приверженности марксизму как «фундаментальной руководящей теории» и для партии, и для страны и одновременно указал на необходимость продолжения «китаизации, осовременивания и популяризации марксизма» для формирования социалистической идеологии в обществе.

70 лет существования КНР в первую очередь связаны с именем Мао Цзэдуна, призвавшего еще на рубеже 30—40-х годов XX в. обобщить все прошлое Китая «от Конфуция до Сунь Ятсена» и «принять это ценное наследие». Заявив, что «коммунисты являются сторонниками интернационального учения — марксизма», Мао Цзэдун в октябре 1938 г. в работе «Место КПК в национальной войне» подчеркнул: «Однако марксизм мы сможем претворить в жизнь только с учетом конкретных особенностей нашей страны и через определенную национальную форму». Для Коммунистической партии Китая это, по его заключению, означало, что «нужно научиться применять марксистско-ленинскую теорию к конкретным условиям Китая», ибо если коммунисты будут трактовать марксизм в отрыве от особенностей Китая, то «это будет абстрактный, выхолощенный марксизм», а необходимо, чтобы он «во всех своих проявлениях непременно отражал китайскую специфику». Из этого следовал безусловный вывод: «при-

менять марксизм в соответствии с особенностями Китая, — такова задача, которую вся партия должна безотлагательно понять и решить»¹.

На рубеже 30—40-х годов XX в. в общих параметрах был очерчен и путь социально-экономического развития послереволюционного Китая в виде программы «новой демократии», сущность которой была сформулирована как диктуемая специфическими условиями Китая необходимость длительного сосуществования различных классов китайского общества для мобилизации всех активных факторов на достижение экономического прогресса в стране.

В докладе на 3-м пленуме ЦК КПК в июне 1950 г. Мао Цзэдун сообщил, что «за последние месяцы Народное правительство установило единое управление и единое руководство финансовой и экономической работой во всей стране, сбалансировало доходы и расходы государства, остановило инфляцию, стабилизировало цены», а «народ сдачей зернопоставок, уплатой налогов, подпиской на заём поддержал Народное правительство».

Сообщалось также, что уже проведена «некоторая работа по упорядочению промышленности и торговли и урегулированию отношений между общественными и частными предприятиями, а также между трудом и капиталом». Но для того, чтобы добиться «коренного перелома к лучшему» в финансово-экономическом положении страны, считал Мао Цзэдун, «потребуется значительное время, примерно три года, а может быть, и несколько больше», в течение которого, «руководствуясь принципами единого планирования и учета интересов как государственного, так и частного секторов хозяйства», следует:

- постепенно ликвидировать в экономике страны бесплановость и анархию;
- навести должный порядок в промышленности и торговле;
- принять действенные меры по урегулированию отношений между общественными и частными предприятиями, а также между трудом и капиталом;
- добиться того, чтобы все секторы общественной экономики могли под руководством государственного сектора — социалистического по своему характеру — сотрудничать между собой, выполняя каждый свою работу.

При этом Мао Цзэдун возражал тем, кто считал, что «можно раньше времени покончить с капитализмом и осуществить социализм», уверяя, что «такой взгляд ошибочен, он не отвечает обстановке в нашей стране»².

В относящейся к 1937 г. работе «Относительно практики» Мао Цзэдун подчеркивает: «Марксисты считают, что только общественная практика людей может быть критерием истинности знаний человека о внешнем мире», поскольку «только достигая в процессе общественной практики (в процессе материального производства, классовой борьбы, научного эксперимента) ожидаемых ими результатов, люди получают подтверждение истинности своих знаний». Поэтому, заключает Мао, «если люди стремятся добиться успеха в работе, то есть получить ожидаемые результаты, то им непременно следует привести свои идеи в

соответствие с закономерностями объективного внешнего мира; в противном случае они потерпят поражение в практике».

В то же время Мао Цзэдун подчеркивает, что «как в практике изменения природы, так и в практике изменения общества редко бывает, чтобы первоначально выработанные людьми идеи, теории, планы и проекты претворялись в жизнь без малейших изменений» и надо «добиваться того, чтобы выдвигаемые революционные задачи и новые планы работы соответствовали новым изменениям в обстановке».

Рассуждая о том, что «теория познания диалектического материализма ставит практику на первое место» и отвергает все ошибочные теории, отрывающие познание от практики, Мао Цзэдун ссылается на работы В.И. Ленина, К. Маркса и Ф. Энгельса, заключая свои рассуждения общим выводом марксистской философии — «критерием истины может быть лишь общественная практика»³.

Надо сказать, что в 70-летней истории социально-экономического развития КНР этот вывод стал реальным принципом экономической политики только с началом хозяйственной реформы в конце 70-х годов, после того, как состоявшийся в декабре 1978 г. 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва заложил в хозяйственную реформу КНР необходимость обязательного следования принципу «практика — критерий истины», а во вступительной речи Дэн Сяопина на XII Всекитайском съезде КПК в сентябре 1982 г. прозвучал «основной вывод», сделанный в КНР «на основе обобщения длительного исторического опыта»: «Сочетать всеобщую истину марксизма с конкретной практикой нашей страны, идти собственным путем и строить социализм со спецификой Китая»⁴.

Хотя в Политическом отчете ЦК КПК VII съезду КПК в 1945 г. Мао Цзэдун подчеркивал необходимость продолжительного периода «борьбы за демократизацию» и «развития капитализма», предостерегая одновременно и от «болезни чрезмерной поспешности» и от «болезни медлительности» в предстоящей работе, тот «длительный срок», который первоначально отводился на выполнение такой программы, ограничился на практике тремя годами восстановительного периода (1949—1953 гг.).

В июне 1953 г. Мао Цзэдун заявляет, что победа демократической революции уже состоялась, и критикует тех (в первую очередь Лю Шаоци), кто **«ВМЕСТО СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ» ПРОДОЛЖАЕТ ЗАНИМАТЬСЯ СВОЕЙ «НОВОЙ ДЕМОКРАТИЕЙ»**, а также оглашает требования генеральной линии партии для перехода к социализму за 10—15 лет или немногим более продолжительный промежуток времени⁵.

Констатация в КНР завершения задач новодемократической революции в 1953 г., также как и впоследствии задач по социалистическому преобразованию собственности (за несколько месяцев 1955—1956 гг. вместо намеченных 10—15 лет) в немалой степени была опосредована такими событиями на меж-

дународной арене, как смерть и критика культа личности Сталина, пробудившие в Мао Цзэдуне желание ускорить движение к социализму, с тем, чтобы попытаться продемонстрировать миру образец более быстрого и более результативного решения задач по социалистическому строительству, завоевав на этом авторитет «лидера» в социалистическом мире, а также в международном коммунистическом движении.

Как свидетельствует «Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР», принятое на 6-м пленуме ЦК КПК в июне 1981 г., «всестороннее и серьезное выправление левацких ошибок» прошлого началось со времени 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.), определившего курс на более медленное, но более сбалансированное развитие и резко осудившего прежнюю практику «ускоренного строительства социализма».

Новый путь, основные контуры которого стали обрисовываться после смерти Мао Цзэдуна (1976 г.), по существу предлагаемых им методов стал отрицать тот путь строительства в КНР, который в течение более чем двух десятилетий лихорадил экономику страны, сделав главный ориентир на использование в целях подъема производительных сил страны «различных форм хозяйственной деятельности».

Большой интерес у исследователей Китая вызвала опубликованная в «Жэньминь жибао» 6 октября 1978 г. статья в то время президента Академии общественных наук Китая Ху Цяому, озаглавленная «Необходимо следовать экономическим законам и ускорять четыре модернизации». После прочтения этой статьи напрашивался вывод о том, что после жарких летних дискуссий в научных кругах к осени 1978 г. в КНР было решено принципиально по-новому подойти к определению роли техники и хозяйственного опыта капиталистических стран в развитии производительных сил страны. Прозвучавший в этой программной статье президента АОН Китая тезис о необходимости «соединять преимущества социалистического строя с передовой наукой и техникой и опытом управления развитых капиталистических стран»⁶ стал одним из главных ориентиров этого времени.

На протяжении всех лет реформы ученые и хозяйственники КНР, внимательно исследуя как свой, так и зарубежный опыт, как правило, после экспериментального апробирования вводили в практику страны то, что давало положительные результаты, хотя еще до недавнего времени считалось «табу» для социалистического общества. Такие инновации стали «прорывами» китайских ученых в экономической теории социализма и слагаемыми «социализма с китайской спецификой», а нынешними китайскими руководителями они названы «наипервейшей движущей силой, ведущей за собой все развитие» и «стратегической опорой для создания модернизированной системы экономики».

Надо сказать, что сегодня председатель КНР Си Цзиньпин именно подобным теоретическим новаторством объясняет «секрет» достижения целого ряда успехов в социально-экономическом развитии КНР за долгие годы реформы, поясняя, что «удачная практика поднимается на уровень теории, правильная теория руководит новой практикой, а проявившие себя как эффективные в процессе практики политические установки и выводы становятся курсом партии и общественно-политическим строем государства»⁷.

Обращает на себя внимание и то, что в выступлениях Си Цзиньпина ощущается явный отклик на многие высказывания Мао Цзэдуна, которые звучали еще до проведения экономических реформ в КНР, и потому совершенно естественным стало включение в перечень руководящих инновационных идей, которых «обязана постоянно держаться КПК» для достижения успеха в работе, «целого ряда важных выступлений генсека Си Цзиньпина».

Накануне открытия 3-й сессии ВСНП (март 2015 г.) Си Цзиньпин посетил объединенное заседание Всекитайской ассоциации промышленников и торговцев, где заявил, что **проведение в жизнь «основного экономического строя»**, который характеризуется совместным развитием различных форм собственности при ведущей роли общественного сектора, **является «фундаментальной политикой и основным курсом КПК»**. Данное высказывание Си Цзиньпина вызвало особый интерес у автора в связи с употреблением им термина **«основной экономической строй»** вместо привычного и почти обязательного для него термина **«социализм с китайской спецификой»**. То есть могли быть употреблены и конвергентные по своей сути термины «смешанная экономика» или «интегральное общество», которые находят всё большее распространение среди ученых-обществоведов при характеристике экономического строя стран, допускающих совместное развитие различных форм собственности, защиту интересов и труда, и капитала. А КНР входит в число таких стран.

Говоря о том, что место и роль необщественных форм собственности в социально-экономическом развитии страны остаются прежними и «политический курс на поощрение, поддержку и содействие развитию необщественных форм собственности остается неизменным», Си Цзиньпин добавляет: **«Более того, мы прикладываем неустанные усилия для создания благоприятной среды и множества возможностей для развития экономики, основанной на необщественной собственности»**⁸. Предлагая проводить более активную политику занятости, стимулируя трудоустройство за счет предпринимательства, нынешние руководители КНР делают серьёзный акцент на смешанных формах деятельности, **поощряя и одновременно нормируя** участие негосударственного капитала в их инвестиционных проектах. Для участия в таких формах деятельности приглашаются как отечественные, так и зарубежные предприниматели, привлекаются из-за границы высококвалифицированные специалисты. В то же

время общественный капитал предлагается ориентировать на вложения в приоритетные проекты посредством инвестиционных дотаций, вливания капитала, создания тех или иных фондов.

Повышенное внимание Си Цзиньпина к развитию необщественных форм собственности, подчеркивание им того, что общественный и необщественный секторы экономики «должны поддерживать и дополнять друг друга, а не вытеснять и противодействовать друг другу», выражение им надежды на то, что деятели, занятые в экономике, основанной на необщественной собственности, дадут толчок всем предприятиям страны для достижения нового и лучшего развития, подвело автора к высказанному в своих предыдущих публикациях выводу о том, что в КНР быстрее, чем в России, станут активно использовать систему прогрессивного налогообложения.

Действительно, в августе 2018 г. в Закон об индивидуальном подоходном налоге КНР были внесены существенные поправки, предусматривающие:

- повышение индивидуального подоходного налога с тех граждан, чьи доходы заметно выше, чем у основной массы населения;
- значительное увеличение необлагаемого налогом минимума;
- освобождение от уплаты подоходного налога граждан с доходами ниже 60 000 юаней в год.

Дело в том, что за долгие годы реформы китайское руководство, следуя сделанному Дэн Сяопином в начале реформы призыву «обогащайтесь!», выработало метод, который помогал на каждом этапе преобразований находить решения наиболее трудных задач по смягчению регионального, отраслевого, имущественного неравенства в обществе. Для решения самых острых социально-экономических проблем, касающихся наиболее отсталых регионов или наиболее обездоленных слоев населения, как правило, использовался способ получения помощи от тех, кто преуспел или обогатился раньше других.

Думается, что такой способ, ставший фактически «нормой» в реформируемом Китае, сделает намного безболезненнее налогообложение и самых крупных собственников в стране, тем более, что еще на XVI съезде КПК (ноябрь 2002 г.) было официально заявлено о возможности приема в партию лиц из числа частных предпринимателей, так как последние, «наряду с другими трудящимися также являются строителями социализма с китайской спецификой». И в этом тоже будет заключаться «китайская специфика».

К этому логично добавить, что на XVII съезде КПК в 2007 г. в то время генеральный секретарь ЦК КПК Ху Цзиньтао подчеркнул, что ЦК второго поколения, ядром которого был Дэн Сяопин, «в корне отверг ошибочную теорию и практику, ставящие классовую борьбу во главу угла»⁹. Тем самым как бы отвергалась неизбежность острых конфликтов между трудом и капиталом даже при

их длительном сосуществовании в условиях «социализма с китайской спецификой».

Нынешние представления китайских ученых о допустимости сосуществования при социализме социалистических и несоциалистических форм хозяйства вовсе не совпадают с высказанными при жизни Ленина идеями новой экономической политики о пусть очень медленном, но все же вытеснении единоличных собственников из социалистического общества, они признают плюрализм в формах собственности не только как неизбежную черту начального этапа социализма, продолжительность которого измеряют примерно столетием, но и как, по всей видимости, необходимую для удовлетворения многообразных потребностей человека данность общества вообще, а значит — вписываются в модель «социализма с китайской спецификой».

Социально-экономические успехи КНР в годы реформы вызвали интерес ученых-обществоведов всего мира. Задавая вопросом, «почему Китай лучше других переносит кризис?», профессор Международного университета в Москве, доктор экономических наук Г.Н.Цаголов в своей книге «Кризис и модернизация» отвечает, что «прежде всего потому, что Китай не разрушил плановые начала и плавно перешел от социализма к смешанной, или конвергентной, экономике»¹⁰. В предисловии к данной книге академик А.Д. Некипелов пишет, что у отстаиваемого профессором Цаговым тезиса «формирование конвергентной социально-экономической модели общества, предполагающей разумное сочетание рыночных и планово-регулирующих начал, становится императивом нашего времени» найдется немало сторонников как в России, так и в мире¹¹.

Действительно, среди российских ученых с каждым годом становится все больше тех, кто исследует опыт стран, где уже сформировалась или только формируется конвергентная социально-экономическая модель общества, предполагающая разумное сочетание рыночных и планово-регулирующих начал.

В монографии «Конвергенционный набат», опубликованной в 2011 г., Г.Н. Цаголов пишет, что «сейчас в научных кругах зреет понимание необходимости движения к смешанной, конвергентной модели общества как требуемому и наиболее оптимальному ориентиру и варианту», что должен быть найден требуемый баланс между общественными интересами и интересами частными, что надо сознательно стремиться к созданию модели развития, сочетающей наиболее сильные эффективные стороны капитализма и социализма и одновременно отсекающей их пороки»¹².

В коллективной монографии «Новое интегральное общество», опубликованной в 2016 г., анализируется такой опыт Китая, Вьетнама, Индии, Бразилии, Голландии, стран Центрально-восточной Европы, Белоруссии и Казахстана. Успехи в социально-экономическом развитии этих стран Георгий Николаевич Цаголов совершенно справедливо оценивает как результат использования в дея-

тельности руководителей этих государств достижений и капитализма, и социализма, заключая, что сегодня в мире звучит «конвергенционный набат» и важно, чтобы этот набат был услышан там, где продолжается поиск «оптимальной модели» социально-экономического развития¹³.

Библиографический список

1. Китай на пути к возрождению. К 80-летию академика М.Л. Титаренко. Сборник научных трудов. М.: ИД «ФОРУМ», 2014.
2. *Мао Цзэдун*. Избранные произведения. Т. 1. Пекин, 1967.
3. *Мао Цзэдун*. Избранные произведения. Т. 2. Пекин, 1969.
4. *Мао Цзэдун*. Избранные произведения. Т. 5. Пекин, 1977.
5. *Си Цзиньпин*. О государственном управлении. Пекин, 2014.
6. *Цаголов Г.* Конвергенционный набат. М., 2011.
7. *Цаголов Г.* Кризис и модернизация. М., 2010.
8. Экономические успехи Китайской Народной Республики за 1949—1953 гг. / пер. с кит. Предисл. В.А. Масленникова. М., 1954.
9. XII Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая. Пекин, 1982.
10. 人民日报 (Жэньминь жибао). 06.10.1978; 25.10.2007; 17.03.2015.

References

1. Kitay na puti k vozrozhdeniyu. K 80-letiyu akademika M.L. Titarenko. Sbornik nauchnykh trudov [China on the road to recovery. To the 80th anniversary of academician M.L. Titarenko. Collection of scientific papers]. Moscow, 2014.
2. *Mao TSzedun*. Izbrannyye proizvedeniya [Mao Zedong. Selected Works]. T. 1. Pekin, 1967.
3. *Mao TSzedun*. Izbrannyye proizvedeniya [Mao Zedong. Selected Works]. T. 2. Pekin, 1969.
4. *Mao TSzedun*. Izbrannyye proizvedeniya [Mao Zedong. Selected Works]. T. 5. Pekin, 1977.
5. *Si TSzin'pin*. «O gosudarstvennom upravlenii» [Xi Jinping. “On public administration”]. Pekin: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh KNR, 2014.
6. *TSagolov Georgiy*. Konvergentsionny nabat [Convergence alarm]. Moskva: Izdatel'skiy dom Mezhdunarodnogo universiteta v Moskve, 2011.
7. *TSagolov Georgiy*. Krizis i modernizatsiya [Crisis and modernization]. M., 2010.
8. Ekonomicheskiye uspekhi Kitayskoy Narodnoy Respubliki za 1949—1953gg. Perevod s kitayskogo. Predisloviye V.A. Maslennikova [Economic success of the People's Republic of China for 1949—1953. Translation from Chinese. Preface V.A. Maslennikov]. M., 1954.
9. «XII Vsekitayskiy s"yezd Kommunisticheskoy partii Kitaya» [“XII All-Chinese Congress of the Chinese Communist Party”]. Pekin, 1982.
10. 人民日报. (Renmin ribao). 06.10.1978; 25.10.2007; 17.03.2015.

Примечания

- ¹ Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т. 2. Пекин, 1969. С. 265—266.
- ² Экономические успехи Китайской Народной Республики за 1949—1953 гг. Пер. с кит. Предисл. В.А. Масленникова. М., 1954. С. 15—18.
- ³ Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т. 1. Пекин, 1967. С. 381—382, 385, 393—397.
- ⁴ XII Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая. Пекин, 1982. С. 3—4.
- ⁵ Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т. 5. Пекин, 1977. С. 105—106.
- ⁶ 人民日报 (Жэньминь жибао). 06.10.1978.
- ⁷ Си Цзиньпин. О государственном управлении. Пекин, 2014. С. 11.
- ⁸ 人民日报. (Жэньминь жибао). 17.03.2015.
- ⁹ 人民日报. (Жэньминь жибао). 25.10.2007.
- ¹⁰ Цаголов Г. Кризис и модернизация. М., 2010. С. 74—75.
- ¹¹ Цаголов Г. Указ. соч. С. 5.
- ¹² Цаголов Г. Конвергенционный набат. М., 2011. С. 62—63.
- ¹³ См.: Китай на пути к возрождению. К 80-летию академика М.Л. Титаренко. Сборник научных трудов. М., 2014. С. 79.

О.Н. Борох,
ИДВ РАН, к.э.н.

ИЗУЧЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Аннотация. Специфика изучения в Китае истории российской и советской экономической мысли обусловлена влиянием идеологии и политики. Китайских исследователей интересуют развитие марксистской и социалистической экономической мысли в России, опыт заимствования и адаптации западных экономических теорий, дискуссии об уникальных особенностях российской экономической науки. Внимание к опыту развития российской экономической науки обусловлено двумя причинами. Во-первых, экономическая наука в России и Китае изначально развивалась на фундаменте традиционной марксистской политической экономии. Во-вторых, по мере расширения заимствования западной экономической науки в России и Китае возник конфликт между парадигмами политэкономии и западной экономической науки. Изданная в Китае фундаментальная «История экономической мысли в новой редакции» рассматривает лишь три течения мировой экономической мысли — китайское, западное и марксистское. Российская экономическая наука представлена в книге как часть марксистского или западного течения. На первое место выходит стремление выявить воздействие российской и советской экономической науки на становление китайской экономической мысли. Появление в постсоветской России значительного количества публикаций о «забытых» экономистах не вызвало исследовательского интереса в Китае. Знания о современной российской экономической науке носят фрагментарный характер, центр тяжести смещен в сторону изучения немейнстримных теоретических изысканий российских экономистов. Китайские исследования российской экономической науки обращены в советский период либо нацелены на поиск в современном материале ценных уроков для строительства «политэкономии социализма с китайской спецификой».

Ключевые слова: марксизм, политическая экономия, западная экономическая мысль, постсоветский период

Автор: Борох Ольга Николаевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, ИДВ РАН. E-mail: borokh@hotmail.com

Изучение в Китае истории российской и советской экономической мысли отличается от ее исследований на Западе. Это обусловлено тем, что в китайских условиях данная тема выходит за рамки научного знания, она касается идеологии и политики. Оценка советского влияния на китайскую экономическую науку неразрывно связана с критикой «догматизма» заимствованных в 1950-е годы постулатов работы И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» и составленного Институтом экономики АН СССР в 1954 г. учебника «Политическая экономия».

Всплеск интереса к советской экономической теории и концепциям стран Восточной Европы наблюдался в Китае в 1980-е годы в период поиска стратегии реформ. Вслед за распадом СССР и «социалистического лагеря» возможность сравнительного изучения марксистской политэкономии была утрачена. Со временем китайские исследователи вновь начали уделять внимание экономической науке в постсоветской России. Ныне их интересуют развитие марксистской и социалистической экономической мысли, опыт заимствования и адаптации западных экономических теорий, дискуссии об уникальных особенностях российской экономической науки.

Сунь Цзиньюй (экономический факультет Нанькайского университета) связывает важность изучения изменений в российской экономической науке с происходившими в Китае дискуссиями о направлении развития китайской экономической науки. Под западным воздействием в российской экономической науке идет непрерывный процесс изменений. По мнению китайского исследователя, осознание несоответствия иностранной теории проблемам России стало стимулом для смены научных ориентиров, российское научное сообщество перешло от увлечения институционализмом к этатизму. Подобный подход к российской экономической мысли служит подтверждением китайского тезиса о необходимости опираться на собственную практику для развития экономической теории.

Значение для Китая изучения опыта развития российской экономической науки обусловлено двумя причинами. Во-первых, экономическая наука в России и Китае изначально развивалась на фундаменте традиционной политической экономии. Обе страны испытали на себе глубокое влияние принципов марксистской экономической науки, советского учебника политэкономии, созданной в послесталинский период теории реформ.

Во-вторых, Россия и Китай являются странами с переходной экономикой, поэтому в них сложилась сходная среда для развития экономической науки. Обе страны шли от замкнутости к открытости, по мере расширения заимствования западной экономической науки конфликт между парадигмами политэкономии и западной экономической науки становился все более заметным. Это породило сходные вопросы о том, как урегулировать отношения между политэкономией и западной экономической наукой, как поднять экономические исследования своей страны на новый уровень. Таким образом, исследование российской экономической науки способствует тому, чтобы китайская экономическая наука «развивалась в ногу со временем» и «лучше служила экономическому развитию и трансформации»¹.

Выделенные Сунь Цзинъюем направления развития советской экономической науки (изучение политэкономии капитализма, обсуждение проблемы соединения плана и рынка в конце 1960-х, исследование волны экономического либерализма на Западе в 1980-е годы) могут быть сопоставлены с актуальными темами китайской экономической науки в начале реформ. Тенденции постсоветского периода, связанные с пропагандой неолиберализма, распространением западной экономической науки, переходом к использованию западных учебников, вытеснению политэкономии из образовательной системы, также имеют параллели в Китае 1990-х — начала 2000-х годов. Разочарование российских научных кругов в неоклассической теории, рост интереса к институционализму, осознание невозможности механического переноса в Россию западной экономической науки, переход к этатизму, повышение внимания к историческому анализу и возникновение российской версии «неомарксизма» вполне могут быть сопоставлены с процессами поисков новой парадигмы китайской экономической науки.

Сунь Цзинъюй использовал российский материал для обоснования вывода о том, что инновационное развитие экономической науки в Китае может опираться лишь на собственную хозяйственную практику. Хотя распространение в Китае западной экономической науки способствовало интернационализации этой отрасли знания, опыт России показывает значительную ограниченность применения западной науки в решении проблем трансформации².

Весьма примечателен призыв к китайским исследователям проявлять бдительность по отношению к «зонам заблуждений» российской экономической науки в процессе «отуземливания» западных теорий. Китайский автор заявил, что опора на собственный опыт не означает необходимости для каждой страны создавать собственную экономическую науку. По его мнению, осознание в современной России неприменимости западной науки якобы привело к ее «полному отрицанию», что осложнило научные обмены с другими странами. С точки зрения Сунь Цзинъюя, многие в России не понимают западную эконо-

мическую науку, но сразу отвергают ее, не используют западные труды в своих исследованиях, все это препятствует сотрудничеству российских ученых с зарубежными коллегами, не дает им занять достойное место даже в международных марксистских экономических кругах.

Первым появившимся в Китае в нынешнем столетии систематическим исследованием истории российской экономической науки стал том «СССР и Россия» пятитомной «Истории экономической мысли марксизма» под редакцией Чэн Эньфу³. В «Историю» вошли тома, посвященные идеям классиков марксизма, развитию марксистской теории в Китае, в Европе и США, в СССР и России, а также в Японии. Особенностью пятитомника стала опора на современные китайские и зарубежные исследовательские материалы, в Китае эта работа является наиболее полным исследованием по истории марксистской экономической науки.

Содержание тома «СССР и Россия» охватывает распространение марксизма в России до Октябрьской революции, экономические идеи Г.В. Плеханова, Н.И. Бухарина, Л.Д. Троцкого и «Новую экономику» Е.А. Преображенского. В книге рассмотрены взгляды на экономику социализма и капитализма 1920—1980-х годов, учебник политической экономии 1954 г., теории реформ в период после Сталина. К постсоветскому периоду относятся «экономические идеи КПРФ», представления Г.А. Зюганова о глобализации и судьбах России, суждения С.Ю. Глазьева о социальной справедливости и экономическом росте, неомарксизм А.В. Бузгалина, новые социалистические течения. Автором тома является Ли Синь, директор Института мировой экономики Шанхайской академии международных проблем.

В 2013 г. в Китае вышла книга «История советской экономической мысли — от Ленина, Сталина до Горбачева». Ее написал научный сотрудник Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук Сян Цзувэнь, филолог-русист по образованию и профессиональный переводчик, работавший в 1990-е годы в посольствах КНР в республиках бывшего СССР⁴.

Изложение построено вокруг 20 репрезентативных фигур, среди которых присутствуют имена советских экономистов и политических деятелей. Первый раздел посвящен В.И. Ленину как основателю советской политэкономии. Сян Цзувэнь обобщил его взгляды на стадии развития социализма, НЭП, товарно-денежные отношения, государственный капитализм в период социализма, сельскую кооперацию. Автор привел ленинские аргументы против бюрократизма в экономической работе, напомнил его воззрения на внешнеэкономическую открытость социалистического государства.

Второй раздел «Поиски» раскрывает экономические идеи сталинского периода. Сюда входят темы формирования советской политэкономии социализма

и оценка советского учебника. В отдельных главах рассмотрены экономические идеи Н.И. Бухарина, Л.Д. Троцкого, Е.А. Преображенского, Е.С. Варга, Н.Д. Кондратьева, Н.А. Вознесенского и самого И.В. Сталина. Завершающей фигурой этого периода стал К.В. Островитянов.

Третий завершающий раздел «Перемены» характеризует экономическую мысль послесталинской эпохи. В него вошли главы о взглядах Л.В. Канторовича, В.С. Немчинова, Е.Г. Либермана, Л.М. Гатовского, Е.И. Капустина, А.П. Бутенко, В.А. Медведева, Л.И. Абалкина, А.Г. Аганбегяна, П.Г. Бунича. Завершает эту цепочку М.С. Горбачев.

В Китае книгу Сян Цзுவэня хвалили за использование марксистской методологии при обобщении исторического процесса зарождения, формирования и развития экономической теории в СССР за семь десятилетий. Работа стала частью усилий китайских исследователей по выявлению и изучению глубинных причин распада СССР. Подобный подход неизбежно требовал от автора книги сосредоточить внимание либо на советских искажениях марксистской политэкономии, либо на проявлениях полного пренебрежения к марксистской теории. Одновременно были предприняты попытки показать те аспекты советской экономической мысли, которые соответствовали марксизму и вносили вклад в его развитие.

Сян Цзувэнь объединил исследование экономических идей советских партийных лидеров и воззрений экономистов-теоретиков. Актуальность книги в Китае связывали с тем, что она помогает выявить процессы формирования советской политэкономической теории, остаточное негативное влияние которой сохраняется даже после распада Советского Союза. С этой точки зрения критическое изучение истории советской экономической мысли является необходимой предпосылкой развития современной китайской политэкономии социализма. Среди недостатков книги китайский рецензент отметил, что в ней не были упомянуты В.В. Леонтьев, Н.А. Цаголов, А.М. Румянцев, Н.П. Федоренко, которые также внесли вклад в формирование советской экономической науки⁵.

Попытка сконструировать историю советской экономической мысли с опорой на 20 репрезентативных фигур неизбежно столкнулась с проблемой отбора наиболее значимых ученых. Книга лишена связи с историей экономической мысли досоветского и постсоветского периодов. Российская тематика интересует китайского автора лишь в политическом контексте изучения роли экономических идей в движении СССР от подъема к падению. В российском профессиональном экономическом сообществе книга Сян Цзувэня не вызвала никакого отклика.

Российскому читателю доступна изданная в переводе книга Гуань Сюэлин и Чжан Мэна из Народного университета Китая «Политэкономия Владимира Путина». В определенном смысле эта работа наследует подход монографии Сян

Цзுவэня, соотносящей этапы в развитии советской политэкономии с именами политических лидеров⁶.

Заметным достижением китайских ученых стала «История экономической мысли в новой редакции» под редакцией Гу Хайляна и Янь Пэнфэя, в которой были представлены новые подходы к исследованию экономических учений⁷. Эта фундаментальная работа в 11 томах не могла обойти стороной историю российской экономической мысли. Однако для нее не нашлось обособленной исследовательской ниши. Дело в том, что «История» рассматривает лишь три течения мировой экономической мысли — китайское, западное и марксистское. Поэтому российская экономическая наука подается в многотомнике как часть марксистского или западного течения. В качестве части западной экономической мысли прошлого столетия были представлены модель «затраты — выпуск» В.В. Леонтьева, концепции переходной экономики Е.Г. Либермана, А.Г. Аганбегяна и Л.И. Абалкина.

Авторы «Истории» уделили большое внимание российской и советской марксистской экономической мысли. В книге рассказано об идейном наследии Г.В. Плеханова, В.И. Ленина, Н.И. Бухарина, И.В. Сталина. Были рассмотрены взгляды Е.А. Преображенского и Н.А. Вознесенского, охарактеризован советский учебник политэкономии, проанализированы суждения Е.С. Варга о монополистическом капитализме.

Исследование российской и советской экономической науки на страницах «Истории экономической мысли в новой редакции» основано исключительно на источниках на китайском языке. При этом в разделах о современной западной науке присутствует большое количество ссылок на иностранных языках. На этом основании можно сделать два предварительных вывода. Во-первых, составители книги не привлекали к работе авторов, способных читать и анализировать экономическую литературу на русском языке. Во-вторых, смещение внимания в сторону переводной литературы указывает на стремление выявить воздействие российской и советской экономической науки на становление китайской экономической мысли прошлого столетия.

В методологическом обзоре марксистских исследований истории экономической мысли в многотомнике рассмотрены несколько советских работ, повлиявших на развитие этой отрасли знания в Китае. Это трехтомная история политической экономии 1934—1936 гг. Д.И. Розенберга, которая была издана на китайском языке в 1959 г. Вслед за ней в 1963 г. в Китае был опубликован лекционный курс «История экономических учений. От возникновения марксизма до Великой Октябрьской революции» Н.К. Каратаева и М.Н. Рындиной (1961). Незадолго до распада СССР в 1987 г. в Китае перевели вузовский учебник «История экономических учений» М.Н. Рындиной, Е.Г. Василевского и В.В. Голосова (1983).

На основе этих трех переведенных на китайский язык работ было сделано обобщение специфики советской традиции в изучении истории экономической мысли. Авторы многотомника заявили, что эта традиция следует основным взглядам Маркса. Она выделяет классическую мысль как источник марксистской политэкономии и критикует буржуазную вульгарную экономическую науку, заявляя, что все ее школы основаны на «антинаучной методологии». «История экономической мысли в новой редакции» утверждает, что советские исследователи делали упор на изучении российской экономической мысли, при этом они якобы почти не занимались изучением марксистской экономической мысли за пределами бывшего СССР и даже склонялись к подмене марксизмом-ленинизмом исследования истории экономической мысли в целом⁸.

Переведенные на китайский язык и использовавшиеся в образовательной практике учебники Розенберга и Рындиной стали частью собственной научной традиции. Более важные российские публикации остались незамеченными. Составители «Истории экономической мысли в новой редакции» даже не упомянули о появившейся в нашей стране на рубеже 1980—1990-х годов «Всемирной истории экономической мысли» (ВИЭМ) в 6 томах. Вряд ли это пренебрежение было преднамеренным, поскольку содержательное сопоставление с российским изданием помогло бы авторам «Истории» глубже раскрыть новизну своего проекта. Вероятнее всего, китайские исследователи истории экономической мысли попросту не осведомлены о существовании этого труда, увидевшего свет в переломный исторический период. Первые четыре тома вышли в СССР, оставшиеся два — в постсоветскую эпоху. Издание ВИЭМ было завершено в 1997 г.⁹

Между двумя многотомными исследованиями по истории экономической мысли можно провести ряд важных сравнений. Российские ученые опередили китайских коллег на четверть столетия, выдвинув и осуществив цель создания новаторского «обобщающего марксистского исследования истории экономической мысли», подобного которому нет ни в одной зарубежной стране¹⁰. Как и в китайской «Истории», основой ВИЭМ стал методологический принцип «экономическая мысль шире экономической теории (политической экономии)»¹¹.

Не менее интересно сопоставить структуры двух работ. Первый том «Истории экономической мысли в новой редакции» посвящен параллельному рассмотрению развития китайской и зарубежной экономической мысли до 1640 г. Пять томов посвящены истории западной экономической мысли, два отдельных тома — экономической теории марксизма, два тома — истории китайской экономической мысли. Первые четыре тома ВИЭМ, охватывающие период до середины XX в., построены по хронологическому принципу. Однако вышедшие после распада СССР завершающие тома больше похожи на тематическую структуру китайской работы: западные экономические концепции (Т. 5), отече-

ственная мысль (Т. 6. Кн. I), экономические идеи социалистических и развивающихся стран (Т. 6. Кн. II). Выделение советской и постсоветской экономической мысли в один том подчеркивает внимание к отечественной традиции, стремление выявить ее место в развитии мировой экономической науки. Те же мотивы двигали составителями китайской «Истории».

Еще одна явная и очевидная параллель — это стремление к комплексному осмыслению и интеграции в единое целое собственных марксистских и домарксистских идей. В СССР процесс заполнения «белых пятен» в теории и возвращения «забытых имен» в перестроечные годы был бурным и сталкивался с большими вызовами. Для китайской «Истории» эти задачи не столь актуальны. Пик накопления и осмысления исторических материалов в Китае пришелся на 1990-е годы и первое десятилетие XXI в. В наши дни на ведущее место вышла задача создания целостной концепции мировой экономической мысли с учетом китайской перспективы.

Появление в российской экономической науке значительного количества публикаций о «забытых» экономистах (А.В. Чайнов, Н.Д. Кондратьев и др.) не вызвало исследовательского интереса в Китае. Знания о развитии российской постсоветской экономической науки носят фрагментарный характер, центр тяжести смещен в сторону изучения внешнеэкономических теоретических изысканий российских экономистов. Китайские исследования российской экономической науки обращены в советский период либо нацелены на поиск в современном материале ценных уроков для строительства «политэкономии социализма с китайской спецификой».

Библиографический список

1. Всемирная история экономической мысли: в 6-ти томах / гл. ред. В.Н. Черковец. Т. 1—6. М., 1987—1997.
2. *Гуань Сюэлин, Чжан Мэн*. Политэкономия Владимира Путина. СПб., 2017.
3. 关雪凌, 张猛 (Гуань Сюэлин, Чжан Мэн). 普京政治经济学: [Политэкономия Путина]. Пекин, 2015.
4. 李新 (Ли Синь). 马克思主义经济思想史. 苏联俄罗斯卷: [История экономической мысли марксизма. Том «СССР и Россия»]. Шанхай, 2006—2007.
5. 李淑华 (Ли Шухуа). 概览与反思 — 读“苏联经济思想史”: [Общий обзор и размышления — читаю «Историю советской экономической мысли»] // Элосы Дуньюо Чжунъя яньцзю. (“俄罗斯东欧中亚研究”). 2014. № 1. С. 93—94.
6. 新编经济思想史: [История экономической мысли в новой редакции]. Ред. 顾海良, 颜鹏飞 (Гу Хайлян, Янь Пэнфэй). Пекин, 2013—2014.
7. 孙景宇 (Сунь Цзиньюй). 俄罗斯经济学的发展演变及其借鉴意义: [Развитие советской экономической науки и значение ее уроков] // Говай шэхуэй кэсюэ (“国外社会科学”). 2013. № 5. С. 121—129.

8. 向祖文 (Сян Цзувэнь). 苏联经济思想史(从列宁斯大林到戈尔巴乔夫): [История советской экономической мысли (от Ленина, Сталина до Горбачева)]. Пекин, 2014.

9. 张锦冬 (Чжан Цзиньдун). 史论交融 宏微相济 — “苏联经济思想史”评介: [История и теория переплетаются, макро- и микроуровни дополняют друг друга — рецензия на «Историю советской экономической мысли»] // Цзинцисюэ дунтай (“经济动态”), 2013. № 10. С. 159—160.

References

1. Vsemirnaya istoriya ekonomicheskoy mysli: v shesti tomakh. Gl. red. V.N. Cherkovets [The World History of Economic Thought: in 6 vols. Ed. by V.N. Cherkovets]. Moscow: Mysl', 1987—1997.

2. Guan Xueling, Zhang Meng. Politekonomiya Vladimira Putina [Political economy of Vladimir Putin]. St. Petersburg: St.Petersburg State University Press, 2017.

3. 关雪凌, 张猛 (Guan Xueling, Zhang Meng). 普京政治经济学. [The Political Economy of Putin] Beijing: Zhongguo renmin daxue chubanshe, 2015.

4. 李新 (Li Xin). 马克思主义经济思想史. 苏联俄罗斯卷. [The History of Economic Thought of Marxism. Vol. Soviet Union and Russia] Shanghai: Dongfang chuban zhongxin, 2006—2007.

5. 李淑华 (Li Shuhua). 概览与反思 — 读“苏联经济思想史” [General Overview and Reflections — Reading “The History of Soviet Economic Thought”] // Eluosi Dong Ou Zhong Ya yanjiu” [“Russian, East European & Central Asian Studies”], 2014, no. 1, pp. 93—94.

6. 新编经济思想史. [The New Edition of the History of Chinese Economic Thought]. Ed. by Gu Hailiang, Yan Pengfei (顾海良, 颜鹏飞). Beijing: Jingji kexue chubanshe, 2013—2014.

7. 孙景宇 (Sun Jingyu). 俄罗斯经济学的发展演变及其借鉴意义. [The Development of Russian Economics and the Significance of its Lessons”] // “Guowai shehui kexue” [“Social Sciences Abroad”], 2013, no. 5. P. 121—129.

8. 向祖文 (Xiang Zuwen). 苏联经济思想史 从列宁斯大林到戈尔巴乔夫. [The History of Soviet Economic Thought (from Lenin, Stalin to Gorbachev)] Beijing: Shehui kexue wenxian chubanshe, 2014.

9. 张锦冬 (Zhang Jindong). 史论交融 宏微相济 — “苏联经济思想史”评介. [History and Theory are in Harmony, Macro and Micro Assist Each Other — Book Review on “The History of Soviet Economic Thought”] // “Jingjixue dongtai” [“Journal of Economic Perspectives”], 2013. No. 10. P. 159—160.

Примечания

¹ 孙景宇 (Сунь Цзинъюй). 俄罗斯经济学的发展演变及其借鉴意义 [Развитие советской экономической науки и значение ее уроков] // Говай шэхуэй кэсюэ. 2013. № 5. С. 121.

² Там же. С. 128—129.

³ 李新 (Ли Синь). 马克思主义经济思想史. 苏联俄罗斯卷. [История экономической мысли марксизма. Том «СССР и Россия»]. Шанхай, 2006—2007.

⁴ 向祖文 (Сян Цзுவэнь). 苏联经济思想史(从列宁斯大林到戈尔巴乔夫). [История советской экономической мысли (от Ленина, Сталина до Горбачева)]. Пекин, 2014.

⁵ 李淑华 (Ли Шухуа). 概览与反思 — 读“苏联经济思想史”. [Общий обзор и размышления — читая «Историю советской экономической мысли»] // Элосы Дуньюо Чжунъя яньцзю. 2014. № 1. С. 93—94.

⁶ Гуань Сюэлин, Чжан Мэн. Политэкономика Владимира Путина. СПб., 2017.

⁷ 新编经济思想史 [История экономической мысли в новой редакции]. Ред. 顾海良, 颜鹏飞 (Гу Хайлян, Янь Пэнфэй). Пекин, 2013—2014.

⁸ Там же. Вводный том. С. 502—503.

⁹ Всемирная история экономической мысли: в 6-ти томах / гл. ред. В.Н. Черковец. Т. 1—6. М., 1987—1997.

¹⁰ Там же. Т. 1. М., 1987. С. 8.

¹¹ Там же. Т. 6. Кн. II. М., 1997. С. 169.

Ю.М. Галенович,
ИДВ РАН, д.и.н.

ТРАКТОВКА В КНР 40-ЛЕТИЯ ПОСЛЕ МАО

Аннотация. Дан анализ выступления генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина по случаю 40-летия политики реформ и открытости. Автор обращает внимание на само понятие «политика реформ и открытости», дает характеристику важнейших событий в развитии КНР: «десять непоколебимых основ» деятельности КПК и «три великих скачка», или три главных достижения, нации Китая: становление на ноги, скачок к богатству, скачок к могуществу, и, наконец, девять установок, обеспечивающих осуществление нынешнего политического курса. Подробно рассмотрены события после смерти Мао Цзэдуна и отмечено, что, несмотря на недовольство населения положением в стране, оно не поднялось на движение под лозунгом смены политического режима, с требованиями осуждения Мао Цзэдуна и его политического курса. Оказалось, что изменения можно было осуществлять только «сверху». Выработанная новым руководством страны политика оказалась компромиссом между последователями Мао Цзэдуна и сторонниками перемен. Именно в этой ситуации и родилась формула «политика реформ и открытости» как своего рода «нейтральная», «компромиссная», «временно устраивавшая» население и все политические силы. Весь последующий более чем 40-летний период после смерти Мао Цзэдуна можно рассматривать как несколько этапов борьбы внутри партии между сторонниками и противниками курса Мао Цзэдуном. Ее результатом стала победа сторонников Мао в лице Дэн Сяопина. Их линию в настоящее время проводит Си Цзиньпин, который продолжает установку Мао Цзэдуна на концентрацию власти в

одних руках, поддерживая линию об исключительности китайского социализма и о единственно правильном понимании исторического развития всего человечества.

Ключевые слова: КНР, КПК, политическая борьба, авторитаризм, китаизированный марксизм, социализм с китайской спецификой, политика реформ и открытости, Мао Цзэдун, Дэн Сяопин, Си Цзиньпин.

Автор: Галенович Юрий Михайлович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН.

18 декабря 2018 г. газета «Жэньминь жибао» сообщила: «Торжественное собрание по случаю 40-летия политики реформ и открытости состоялось сегодня в Доме народных собраний в Пекине. Генеральный секретарь ЦК КПК, председатель КНР, председатель Центрального военного совета Си Цзиньпин выступил на собрании с важной речью»^{*}.

Прежде всего, необходимо пояснить термин, который в этом случае применяет пропаганда ЦК КПК. Она говорит о «политике реформ и открытости». В этом находит свое выражение суть ситуации в стране на рубеже 1970—1980-х годов. В 1976 г. после 27 лет правления в КНР умер Мао Цзэдун. В государстве с предельной концентрацией власти исчез главный элемент структуры власти, «сердцевина» политического режима. История показала, что в этом случае возникает, по крайней мере, на время, возможность осуществления перемен, изменения порядков и политического курса. Возникает возможность одновременных действий на политической сцене и наследников политического курса умершего вождя, и противников его политики.

Главным итогом властвования Мао Цзэдуна в Китае стало то, что он завел страну в тупик и в области экономики, и в сфере политики. Изменения стали императивом. До смерти Мао Цзэдуна на протяжении целого ряда лет существовавший политический режим и структура экономики сохранялись по инерции. Сразу же после его смерти возникла новая ситуация. В руководстве партии и государства оказались одновременно люди с разными представлениями об интересах народа и страны и о своих интересах. Оба «крыла» руководства существовали и действовали одновременно. При этом речь не шла о возникновении открытой борьбы между ними. Для населения декоративно сохранялось видимое единство партии. Главенствовал принцип подчинения меньшинства большинству или молчания оказавшихся слабее тем, кто был сильнее, у кого была реальная власть, прежде всего, над вооруженными силами. Все были согласны с необходимостью сохранения у власти в стране Коммунистической партии Китая и себя в качестве руководителей этой партии.

^{*} URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2018/1218/c31521-9529788.html>

В среде руководителей партии возникла молчаливая договоренность мирно сосуществовать, по крайней мере, на протяжении того периода, когда надо было исправить положение, сложившееся при правлении Мао Цзэдуна, осуществить преобразования, устранить самое острое недовольство людей. При этом одни стремились вывести страну из тупиков во внутренней и во внешней политике, а другие хотели, допустив некоторые изменения, добившись определенного успокоения недовольства населения и появления относительной стабильности, продолжать прежний политический курс, сохранить главное, с их точки зрения, — самовластие, диктатуру вождя, руководства партии. Создалась обстановка, при которой обладавшие реальной властью, державшие в своих руках вооруженные силы, наследники и последователи Мао Цзэдуна сами не были способны вывести страну из тупиков и были вынуждены допустить «на первую линию» руководства партий и страной тех, кто был способен и стремился осуществить нововведения, исправить положение, устранить главное недовольство населения. Внешне создавалась благоприятная обстановка для перемен. С другой стороны, было очевидно, что последователи Мао Цзэдуна ждали своего часа вернуть все «на прежнее место».

В этой обстановке сторонники вывода страны из экономического и политического тупика стремились использовать время и возникшие возможности для осуществления перемен, которые, как они надеялись, были не только необходимы для исправления положения, но и могли со временем создать новую ситуацию в стране, позволить Китаю пойти новым путем, сменить и политический режим, и экономическую структуру.

В этой ситуации важно также подчеркнуть, что в условиях политического режима, созданного Мао Цзэдуном, было невозможно создать какую бы то ни было политическую партию или альтернативную легально действующую политическую силу. Население ощущало необходимость перемен, было недовольно «порядками», существовавшими при Мао Цзэдуне, но в то же время не поднялось на движение под лозунгом смены политического режима, с требованиями осуждения Мао Цзэдуна и его политического курса. Давление установленного режима, покорность и привычка подчиняться превалировали. Оказалось, что изменения можно было осуществлять только «сверху».

Власть КПК над Китаем сохранилась. Свою роль продолжало играть руководство партии. Выработанная им политика, даже ее наименование, оказались компромиссом между последователями курса Мао Цзэдуна и сторонниками осуществления перемен, фактического начала демонтажа здания, построенного при Мао Цзэдуне. В этой ситуации и родилась формула «политика реформ и открытости». Она явилась как своего рода «нейтральная», «компромиссная», «временно устраивавшая» всех людей и политических сил разных, даже противоположных, направлений.